

УДК 141:82(47)
ББК 87.3(2)6:83.3

Наталья Юрьевна Грякалова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: natura3@yandex.ru

**Е.И. <Арсеньева>
Душа поэта-философа
(о В.С. Соловьеве)**

Републикация и примечания Н.Ю. Грякаловой

Nataliya Jur'evna Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: natura3@yandex.ru

**Е.И. <Arsenyeva>
The soul of the poet-philosopher
(about V.S. Solovyov)**

Republication and notes by N.Y. Gryakalova

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.043-054

Посвящается старым друзьям
Евгении Аполлоновне Маркевич
и сестре ее княгине
Александре Аполлоновне Волконской,
истинным ценительницам
покойного Владимира Сергеевича Соловьева¹.

¹ Адресаты посвящения, сестры Е.А. Маркевич и А.А. Волконская (урожд. Маркевич), входили в соловьевский круг общения и, по свидетельству С.В. Штейна, «были горячими поклонниками философского учения Вл. Соловьева» (цит по: Оболевич Т. Сергей Штейн о В.С. Соловьеве // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 87). Философ, бывая в Царском Селе, часто посещал их дом (Церковная ул., д. 1, дом Маркевич).

*И роскошно блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.*

В.С. Соловьёв².

*И, воздух горный радостно вдыхая,
Я в новый путь готов.*

В.С. Соловьёв³.

За последнее время, при воспоминании о второй годовщине смерти Вл.С. Соловьёва, в печати опять заговорили об этой удивительной личности. Позвольте и мне сегодня принести свою скромную дань уважения и сочувствия одному из наших дорогих отошедших, которого еще так сравнительно недавно мы видели посреди нас⁴.

Мне особенно памятен вечер, когда один из друзей нашего кружка говорил о братской любви, и покойный Владимир Сергеевич в конце чтения встал и громко, во всеуслышание, заявил референту, что он забыл упомянуть о братской любви к братьям отошедшим, которых мы так же должны любить, как других братьев, еще находящихся между нами...

Странное впечатление произвели на присутствовавших слова покойного Владимира Сергеевича. Нам даже показалось, что эти слова исходили из больного ума. Кто-то просил Владимира Сергеевича разъяснить смысл его слов, но он не стал его разъяснять, а только произнес свои слова вторично, произнес их властно, авторитетно, точно он был оракул, вещавший слова незыблемой, несокрушимой правды, которая сама за себя так говорит, что никаких пояснений не требует.

Невольно, при воспоминании об этом теперь, приходят на мысль другие слова, произнесенные встарь свыше и вещавшие:

«Я есмь Тот, Который был, есть и будет»⁵.

В самих этих всеохватительных словах находятся разъяснения на все вопросы, могущие возникнуть; они пояснения не требуют. Так же точно слова Владимира Сергеевича, по его мнению, пояснения не требовали, — они сами за себя говорили; но мы, с ним находившиеся, тогда их не поняли, вследствие завесы, скрывавшей их от нас.

Владимир Сергеевич стоял на вершине высокой горы, обладая не только духовным зрением, но и зрением научным, — столь обостренным, столь тонким, столь привычным разглядывать широкие горизонты, распознавать явления: и далекие, и близкие... Стоя так высоко над нами, ему трудно было вдруг спуститься и поставить себя на нашу точку зрения, — нас, людей, стоящих в

² Из стихотворения «Осеннюю дорогой» («Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей...») (1886 г.).

³ Из стихотворения «Пора весенних гроз еще не миновала...» (1885 г.).

⁴ Читано в маленьком кружке друзей. — *Прим. автора.*

⁵ Ср. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1: 8).

долине, в тесноте, не умеющих распознавать даже предметы, нас окружающие, находящиеся близко от нас, не говоря уже о предметах далеких, высоких. Поднять нас, людей неподготовленных, вдруг на свои вершины тоже было не легко. Но всякий раз, когда мы углубляемся в его сочинения, когда мы проверяем читаемое с жизнью, с голосом нашей совести и нашего сердца, с тем, что подсказывает нам голос природы, то мы убеждаемся, что не его ум был больной, а что мы, по слабости наших способностей, по недостаточности научной подготовки и духовности, не в состоянии его понять сразу и можем усилить его мысль лишь после постепенной подготовки.

Покойный Владимир Сергеевич сам, – еще будучи на этой земле, меж нами, – частью своего существа жил уже в другом мире, в мире невидимом, явления которого он ощущал, создавал, понимал; его видимая жизнь сливалась с жизнью невидимаго мира, он находился в общении с нетленными духами, к которым он относился с той же братской любовью, с которой он относился к братьям видимого мира: ему трудно было себе представить, что могло быть непонятного для нас в его словах, для него столь простых и ясных. Еще будучи на земле, меж нами, покойный Владимир Сергеевич не жил, конечно, лишь в одном духовном мире. Далеко нет. Он понимал и земную жизнь, и земные страсти.

В его лице можно найти ясное подтверждение моих слов.

Редко наружность человека так носит отпечаток его внутреннего существа, как это было у покойного Владимира Сергеевича.

Его лицо отличалось особенностью, которая поражала лиц, встречавших его в первый раз, – особенностью, к которой трудно было привыкнуть людям, знавшим его издавна.

В его лице поразительно выделялись два мира, два противоположных мира. Его духовная природа, отмеченная божественным перстом, вся проявлялась в его редко выразительных глазах.

Сам Владимир Сергеевич говорил не раз, что он находился в постоянной борьбе с «дьяволом», как он сам выражался. Эта двойственность натуры – удел всех живущих. Еще Фауст говорит:

„Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust“!⁶

И А. Толстой говорит:

«Лукавый дух меня тревожит» ...⁷

Но в натурах более сильных часто оба мира живут друг подле друга с одинаковой силой, и происходит борьба более ожесточенная, нежели у натур заурядных. В их душе и ад, и рай: – происходит борьба на жизнь и на смерть.

Быть может потому Владимир Сергеевич так понимал и первородный грех, присущий человеку, – быть может потому, с другой стороны, он чувство-

⁶ «Две души живут, увы, в моей груди» (нем.) («Фауст», ч. 1, сцена 2 «У городских ворот»).

⁷ Неточная цитата из стихотворения А.К. Толстого «Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...». Возможно, контаминация, ср. в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» (ч. II): «Меня тревожит дух лукавый // Неотразимою мечтой».

вал такую потребность освободиться от греха, чувствовал потребность в искуплении от греховности, присущей человеку?

Два мира сливались в нем так сильно, так мощно, что именно потому, быть может, он легче другого мог подслушать тайны бытия, узреть их связь и тождество, потому он мог быть таким всесторонним, всеисчерпывающим, – потому, быть может, он мог в самом себе узреть все законы мира видимого, а также законы мира духовного; потому, быть может, он мог на самом себе оправдать добро, проследить духовные основы религии.

Когда вы вглядывались в верхнюю часть его лица, в его необыкновенные глаза, вы невольно вспоминали его же собственное стихотворение и пред вами являлся целый ряд духовных видений.

Обладатель поразительных глаз являлся пред вами в те часы, «когда все смолкало кругом, когда укрощалось смятение вокруг», и он, как древний пророк, «ждал, и ждал не напрасно». «В тайном дуновении он угадывал Бога»⁸.

Вглядываясь в его глаза, вы чувствовали тоску его души, разлученной с Богом, вы чувствовали, что

Волна в разлуке с морем
Не ведает покоя,
Ключом ли бьет кипучим,
Иль катится рекою:
Все ропшет и вздыхает
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежном,
Бездонном, синем море⁹.

Вы чувствовали, что обладатель этих глаз – «бескрылый дух, землю полоненный, себя забывший и забытый бог». Вы чувствовали, что «сны земные налетали на него лишь на мгновенье», и что «его дух, снова окрыленный, мчался ввысь от суетных тревог», что всякий «неясный луч знакомого блистанья», всякий «чуть слышный отзвук песни неземной» воскрешал в его чуткой душе «прежний мир в померкнувшем сиянье», что «при всяком тяжком пробуждении от мимолетных снов земли» он вновь ждал, с томительной тоской нездешних видений, отзвука гармонии святой...¹⁰

Вглядываясь в его глаза, вы чувствовали, что «все, видимое нами, – только отблеск, только тени от незримого очами», что «житейский шум трескучий – только отклик искаженный торжествующих созвучий», что «есть только одно на целом свете, только то, что в немом привете сердце сердцу говорит»¹¹.

⁸ Парафраз стихотворения В.С. Соловьева «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...» (1882 г.).

⁹ Стихотворение имеет заглавие «L'onda dal mar' divisa» («Волна, разлученная с морем» (*итал.*)).

¹⁰ Парафраз стихотворения «Бескрылый дух, землю полоненный...» (1883 г.).

¹¹ Парафраз стихотворения «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892 г.).

Вглядываясь в его глаза, вам представлялось, как «в утреннем тумане он шел неверными шагами к таинственным и чудным берегам, – когда боролась заря с последними звездами, когда еще летали сны, и, схваченная снами, душа молилась неведомым богам».

Вы представляли себе, как в холодный, белый день, как прежде, он шел в неведомой стране, но потом рассеивался туман и ясно начинало видеть око, как труден горный путь и как было еще далеко, далеко все, что грезилось ему... И как «до полуночи неробкими шагами» он все шел к желанным берегам, туда, где на горе под новыми звездами «весь пламенеющий победными огнями» его должен был дожждаться его «заветный храм»¹².

Да, в его глазах, пред нами являлась вся поэма его духовной жизни и невольно припоминалось его же стихотворение:

О, как в тебе лазури чистой много,
И черных, черных туч!
Как ясно над тобой сияет отблеск Бога,
Как злой огонь в тебе томителен и жгуч...

И как в твоей душе с невидимой враждою
Две силы вечные таинственно сошлись,
И тени двух миров нестройною толпою
Теснясь, в тебе причудливо сплелись.

Но верится: пройдет сверкающий громами
Средь этой мглы божественный глагол,
И туча черная могучими струями
Прорвется вся в опустошенный дол.

И светлою росой она его омоет,
Огонь стихий враждебных утолит,
И весь свой блеск небесный свод откроет
И всю красу земли недвижно озарит.

Как в самом маленьком кусочке ткани, в так называемом образчике, находятся все нити, составляющие основу ткани, могущую лечь в самые разнообразные складки, могущую видоизменяться, смотря по освещению, так в стихотворениях Соловьева находятся все существенные нити, составляющие основу ткани, называемой «мировоззрением Соловьева».

Открываю маленькую книжку его стихотворений и читаю наудачу:

¹² Парафраз стихотворения «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884 г.).

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

В этих двух строфах мы уже находим несколько нитей, составляющих основу ткани мировоззрения Соловьёва, верившего в существование двух миров: видимого и невидимого, к берегам которого мы навеки прикованы нетленными цепями. Из этих строк мы видим, что он верит в Божественное начало, которое заранее определяет круг нашей жизни, по которому мы должны идти сами; другими словами, что он верит в Провидение, и вместе с тем, в свободную волю. Из этих нескольких строк явствует, что Соловьёв верит, что материя не есть случайное сцепление атомов, а что, напротив того, и в ней или в веществе бесстрастном «огонь божественный горит», или, другими словами, что природа есть материализация божественной идеи или Слова, и что она бессознательно также творит высшую волю.

Еще есть у него варианты на ту же тему:

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества,
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье божества¹³.

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такою негой жгучей,
Сходила благодать сияющих небес
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым...

¹³ Из поэмы «Три свидания» (1898 г.).

И в этом стихотворении опять является божественный огонь, который Соловьев здесь называет «пламенем родного сердца», «трепетом жизни мировой», «светом неземным», с которым таинственно сочетается его земная душа и от этого «таинственного сочетания» у него является «огонь любви», такой сильный, что «уносит его земные страдания, как дым»...

В этих строках к основным нитям ткани вплетена еще одна нить: он любит этот божественный огонь, с которым таинственно сочетается его земная душа, он его любит превыше всего земного, от огня его любви уносится все земное страданье, как мимолетный дым. Он сам является выразительным, живым представителем этого таинственного сочетания земной души со светом неземным, который он так любит в себе самом и вне себя.

Далее читаем:

Озеро плещет волной беспокойной,
Словно как в море растущий прибой.
Рвется к чему-то стихия нестройная,
Спорит о чем-то с враждебной судьбой.

Знать не по сердцу оковы гранитные;
Только в безмерном отраден покой:
Снятся былые века первобытные,
Хочется снова царить над землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вечный позор добровольным рабам!
Сбудется сон твой, стихия великая,
Будет простор всем свободным волнам¹⁴.

В этом стихотворении, которое можно понимать аллегорически, вплетена еще новая нить в словах: «Снятся былые века первобытные, хочется снова царить над землей. Сбудется сон твой, стихия великая: будет простор всем свободным волнам». В это стихотворение вплетено верование в то, что раньше дух царил над землей и что настанет время, когда вся природа и все живущие сбросят оковы и дух опять будет царить над землей.

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови:
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви¹⁵.

¹⁴ Стихотворение «Сайма» (1894 г.).

¹⁵ Из стихотворения «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887 г.).

В этих строках к предыдущим верованиям прибавляется вера в торжествующую силу любви, которая побеждает смерть и время, царствующие только здесь, на этой земле, где все, кружась, исчезает во мгле; но любовь – владычица мира другого, где солнце любви днем незакатным неподвижно стоит...

Еще читаем у Вл. С.:

Знайте же, вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет,
В свете немеркнущем новой богини,
Небо слилось с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская:
Радость домов, и лесов, и морей, –
Все совместит красота неземная,
Чище, сильнее, и живей, и полней!¹⁶

Тут уже является совсем оригинальная черта мировоззрения Соловьева: преимущество, которое он отдает началу женскому, которое должно взять верх над мужским.

Этой мысли он касается и в другом стихотворении, где говорит:

Подвиг сердца женского
Тень мужского зла,
Солнца блеск вселенского
И земная мгла¹⁷.

Он намекает несколько раз в сборнике своих стихотворений на это торжество женского начала – между прочим, приводя слова Священного Писания: «Семя жены сотрет главу змия». «Сотворил Мне величие Сильный и свято имя Его». «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, на главе ее венец из двенадцати звезд»¹⁸.

Земную жизнь он часто называет в своих стихотворениях злой жизнью:

«Когда злой жизни дань всю до конца отдам»¹⁹.

«А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня...»²⁰

«Все порывы и чувства мятежные
Злую жизнь, что кипела в крови...»²¹

¹⁶ Из стихотворения «Das Ewig-Weibliche (Слово увещательное к морским чертям)» («Черти морские меня полюбили...») (1898 г.).

¹⁷ Из стихотворения «На смерть Я.П. Полонского» (1898 г.).

¹⁸ Три приведенных цитаты (Быт. 3: 15; Лк 1: 46; Откр. 12: 1) предпосланы в качестве эпиграфов к стихотворению «Знамение» («Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме...») (1898 г.).

¹⁹ Из стихотворения «Отшедшим» («Едва покинул я житейское волненье...») (1895 г.).

²⁰ «Вся в лазури сегодня явилась...» (1875 г.).

Земной жизни он постоянно противопоставляет жизнь нетленную, неземную, к которой он постоянно стремится, чувствуя к ней неотразимую тягу:

«Верю только в высоте сияющим звездам,
Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты,
И растут в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы»²².

«Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови:
Вверх погляди на недвижно-могучий,
С небом сходящийся берег любви»²³.

Земной любви он противопоставляет любовь этическую:

«Открой милосердия двери,
Всеблагодатная, к жизни нетленной,
Душе смиренной,
В любви и вере!
Проведи ты меня сквозь земные туманы
В горние страны,
В отчизну светов!
У всепобедной прошу защиты,
Цепь разорви ты
Земного плена»²⁴.

«Одна, одна над белою землею
Горит звезда.
И тянет в даль эфирную стезею
К себе туда»²⁵.

«Заклочены в темнице мира тленной»²⁶

и т. д., и т. д.

В вышеприведенных стихотворениях пред нами является в главных чертах картина мировоззрения Соловьева; но у него есть стихотворения, в

²¹ Из стихотворения «День прошел с суетой беспощадною...» (1892 г.).

²² Из стихотворения «Милый друг, не верю я нисколько...» (1892 г.).

²³ Из стихотворения «Иматра» («Шум и тревога в глубоком покое...») (1895 г.).

²⁴ Контаминация из нескольких стихотворений цикла «Хвалы и моления Пресвятой Деве», перевод из Ф. Петрарки (1883 г.).

²⁵ Из стихотворения «Око вечности» (1897 г.).

²⁶ Из стихотворения «Старому другу (А.П. Саломону)» (1897 г.).

которых высказывается не только его мировоззрение в общих чертах, а рельефно выступают и его верования (старозаветные и новозаветные).

Между прочим, ярко выступает колорит старозаветный в его стихотворении «В землю обетованную».

От каждой строчки этого стихотворения веет старозаветной верой и чувствуется, что слова, относящиеся к древнему пророку, он относил и к себе. В особенности дышат современностью слова:

Покорен будь глаголам уст моих!
Иди вперед, о прежнем не тоскуя!
Иди вперед, все прошлое забыв,
И все иди, доколь не укажу я,
Куда ведет любви моей призыв...

Ты иди, все иди,
Пока сам не скажу тебе: здесь.
Я навеки с тобой:
Мой завет сохрани
Чистым сердцем и крепкой душой.
Будь мне верен в ненастье и в ясные дни;
Ты ходи предо мной
И назад не гляди.
А что ждать впереди,
То откроется верой одной.

Читая эти строки, невольно вспоминаешь слова Владимира Сергеевича, которые он произносил, когда у него бывало спросишь, сделает ли он то или другое в будущем. Он часто отвечал: если будет внушение свыше и если обстоятельства позволят.

«Неопалимая купина» – вот еще одно его стихотворение, дышащее старозаветным духом, старозаветным и вечно новым.

Многозначительна строфа:

Я – раб греха. Но силой новой
Вчера весь дух во мне взыграл,
А предо мною куст терновый
Огнем горел и не сгорал

Чувствуется, что и это стихотворение Соловьев переживал всею душой и относил к себе.

Его верование в греховность человеческой природы, за которой неминуемо должна следовать гибель, звучит в древнем сказании о «Колдуне-Камне»:

Гибнут грешные созданыя,
Гибнут грешные дела, –

говорится в передаваемом им сказанье; но тут же является его верование в прощение грешных созданий, в искупление греховных дел, выраженное в поэтической форме:

Но над ним – залог прощенья –
Тихо звездочка горит²⁷.

Далее весь Соловьев является пред нами в словах его стихотворения:

Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано²⁸.

Кто из знавших его не слышал его звонкого, громкого смеха? Кто из знавших его не подслушал рыданий его души в те дни, когда он по целым часам сидел в глубоком молчанье, угрюмый, сумрачный, с затаенной болью в душе?

Его новозаветное, строго евангельское верование выражается в его стихотворении «Ночь на Рождество».

Великое не тщетно совершилось,
Недаром средь людей явился Бог;
К земле недаром небо преклонилось
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмой,
Но светить он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден, и все его дела²⁹.

²⁷ Из стихотворения «Колдун-камень» («Эти мшистые громады...») (1894 г.).

²⁸ Из «посвящения к неизданной комедии» (1880 г.).

²⁹ Стихотворение «Ночь на Рождество» («Пусть все поругано веками преступлений...») (1894 г.) приведено без первой строфы.

Свое верование в загробную жизнь он, между прочим, высказал в словах:

А когда пред тобою и мной
Смерть погасит все светочи жизни земной,
Пламень вечной души, как с востока звезда,
Поведет нас туда, где немеркнущий свет³⁰

и т. д.

А также в стихотворении «Отошедшим»:

Я знаю: это вы к земле свой взор склонили,
Вы подняли меня над тяжкой суетой,
И память вечного свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу вас, но в час предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдам,
Вы въявь откроете обитель примиренья
И путь укажете к немеркнущим звездам³¹.

Свое верование в личного вездесущего Бога, неотступно всюду пребывающего с нами, он высказал в стихотворении:

Да! С нами Бог: не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, – средь суеты случайной
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло, мы вечны, с нами Бог³².

Да, Он здесь, теперь, меж нами. Он здесь, окруженный тем невидимым братством, любовь к которому призывал тот, кто скрылся от нашего тленного ока – и уже, в свою очередь, присоединился к сонму нетленного братства, вошедшего в славу Отца, в славу Того, Который был, есть и будет – в славу Бога «живых», а не мертвых...³³

³⁰ Из стихотворения «Не по воле судьбы, не по мысли людей...» (1890 г.).

³¹ Приведены две последние строфы стихотворения «Отшедшим» («Едва покинул я житейское волнение...») (1895 г.).

³² Приведены две последние строфы стихотворения «Имману-эль» («Во тьму веков та ночь уж отступила...») (1892 г.).

³³ Ср.: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк: 20: 38).